

**В вихре
времени**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воронка

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

2016 г.

*Москва, Лубянка, здание ФСБ,
Сергей Велесов, писатель*

За пять без малого десятков лет, прожитых на свете, мне нечасто приходилось слышать то, о чем можно было сказать: «Не поверил своим ушам». Случалось всякое — то давний знакомец заявит нечто такое, чего от него никак не ждешь; то сообщат между делом новость, от которой волосы дыбом по всему телу. И лупаешь глазами, и мямлишь: «Чего?» «А?»... или в лучшем случае: «Повторите, будьте любезны...»

Бывало, да; но чтоб на полном серьезе заподозрить себя, любимого, в слуховых галлюцинациях?

«...А может, и не только в слуховых...»

Я смотрел на Дрона так, будто он должен прямо сейчас раствориться облачком серного пара. Или подернуться рябью и пропасть, и тогда вместо него появятся два здоровяка в белых халатах и с профессионально-доброжелательными улыбками на откормленных физиономиях.

Дрон усмехнулся.

— Ждешь, когда я превращусь в серого инопланетянина? Не дождешься.

Я непроизвольно помотал головой. Наваждение улетучилось. Ни санитаров, ни жукоглазых пришельцев.

— Скорее уж в кролика... в цилиндре, — буркнул я. Старый друг прочитал меня, как поздравительную открытку. Три десятка лет тесного общения — это вам не жук чихнул, даже без учета психологических фокусов, которым учат в их конторе. — Слушай, давай признавайся, что по-дурацки пошутил, и наливай. А я, так и быть, не обижусь.

— Налить-то я тебе налью... — он потянулся к бутылке «Ноя», — но ты с иллюзиями заканчивай, все всерьез, сам понимаешь...

Еще бы не понять! За все время, пока я знал Дрона, мне ни разу не пришлось бывать у него на работе. Выписывать пропуск на Лубянку только ради розыгрыша? Огрести «немножечко геморроя» от начальства можно и менее громоздким способом. Здешние кабинеты наверняка слушают, и приставленные к этому люди напроць лишены чувства юмора. Во всяком случае — на службе.

Хотя что я знаю о нынешних комитетчиках? Кроме вот этого самого Андрея Митина, старого друга со студенческих лет, я ни с кем из них вовсе не знаком. А вдруг это в ФСБ так шутят?

Дрон положил передо мной лист бумаги официального вида. Я прочел первую строку, и по спине пробежала струйка ледяного пота.

«Подписка о неразглашении служебной тайны» — о как! И дальше: «Я, фамилия, имя, отчество, ознакомлен... обязуюсь не разглашать... предупрежден... за разглашение сведений, составляющих...»

В строке «инструктаж провел» значилось «Митин А.В.». И не вписанная от руки, а вбитая в электронную форму. А ведь любые документы в здешних компах

сохраняются и систематически проверяются. А значит, версия с шуткой окончательно превращается в дым.

Но я все еще не сдавался: дрыгал лапками и шевелил вибриссами:

— Ну да, контора у вас серьезная. Гостайна, то-се, но с каких это пор я у вас служу? Может, я еще и не соглашусь?

— А ты не согласишься? — прищурился Дрон. — Вот так — возьмешь и не согласишься?

— Нет, конечно. А то ты сомневался...

— Тогда не ломайся, как гимназистка, и подписывай. И вот, держи, изучишь. Завтра с утра поговорим подробнее.

И протянул мне пухлую папку. На сиреневом пластике красовалась надпись: «ЗАККУРАПИЯ».

Я ухмыльнулся. Не может без штучек...

— Что, прямо тут? Тогда выделяй диван с подушкой, а то я после бессонной ночи ничего не буду соображать...

— Перебьешься. Езжай домой и спи хоть всю ночь. Но чтоб к девяти — как штык. Начальства у тебя нет, отпрашиваться не надо. И трудовую с военником захвати, будем оформлять тебя как гражданского эксперта.

Я открыл «вместилище документов». На первом листе раскинул крылья двуглавый орел, под ним значилось: «Министерство обороны Российской Федерации». И ниже, крупно: «Проект «К-18-54».

— Что, так и нести домой? А секретность? Подписка эта шутовская...

— А ты расскажи кому-нибудь о нашем разговоре, — плотоядно осклабился друг. — Увидишь, шутовская она или нет!

— А что, можно. Документики имеются, журналисты кипятком писать будут!

— Ага, и клоуны из «Космопоиска» — как раз их профиль. Или нести прямиком в редакцию фантастики. Тут же подпишут договор, и даже аванс дадут.

— Ни хрена они не дадут, — буркнул я. — Жадные очень...

Скажу без ложной скромности — я широко известен в узких кругах как фантаст и поклонник альтернативно-исторического жанра и попаданства. Что не мешает время от времени публиковать в солидных журналах статьи по истории флота. Так что любой, кто заполучит эту папку и наведет справки о ее владельце, неизбежно сделает вывод: это не что иное, как материал для фантастического романа.

А что же еще? Скачанные из Интернета документы; фотки военных кораблей; распечатки веток с военно-исторических форумов. Сделано солидно, ничего не скажешь!

А лиловый штамп со служебным номером на каждой страничке — тоже для конспирации?

А почему бы и нет?

— «Папка» по-хонтийски, на обложке — твоя идея?

Дрон кивнул.

— А то! «Обитаемый остров», спасибо Бондарчуку, сейчас много кто читал. Вот и напустим лишний раз тумана, мало ли что...

— Если «мало ли что» — тогда зачем выносить это отсюда? В дезинформацию играетесь, конспираторы?

— Иди, работай, — отрезал Дрон. — Вот пропуск и разрешение на вынос. И пожалуйста, не вздумай опаздывать!

Я выразительно покосился на так и не откупоренную бутылку, но Дрон сделал вид, что не заметил: он уже уткнулся в другую папку, по виду точную копию моей.

«Тоже мне, Рудольф Сикорски...»

На Дрона грех обижаться. Он, как и я сам, состоял в студенческой молодости в некоем весьма известном (опять же в узких кругах) Клубе любителей фантастики. У нас тогда считалось хорошим тоном цитировать

Стругацких и к месту и не к месту. Сколько лет прошло, а былые привычки нет-нет да и напомнят о себе.

Особенно если ситуация способствует...

Я вышел в коридор, аккуратно притворив дверь. Пальцы крепко прижимали к груди «заккурапию», но я все равно ощущал, как они противно дрожат.

А как не задрожать? Не каждый день вызывают в ФСБ; не каждый день старый друг, которого знаешь не первый десяток лет, ошеломляет известием: да, Министерство обороны и ФСБ разрабатывают проект путешествий во времени. И — да, я приглашен в этот проект в качестве...

«...Понять бы еще — в каком?»

Подтянутый сержант проверил пропуск, паспорт, взгляделся в мою физиономию, придирчиво сверяя ее с фотографией. Я беспомощно улыбнулся и развел руками: что поделать, если в сорок пять я имел глупость запечатлеться на паспорт в бороде, а потом избавился от этого аксессуара?

Сержант пролистал «заккурапию», сверил номера на штампах с тем, что написан в документе. Помедлил, взял под козырек и нажал кнопку, открывая турникет.

Я стоял у самого края тротуара, спиной к высоченным дверям. Машины сплошным потоком огибали холм-клумбу, на которой когда-то возвышалась статуя Железного Феликса.

Мимо пронеслась стайка подростков. Один из них водил перед собой смартфоном, другие громко хихикали, тыча пальцами в бордовый гранит цоколя. Ловцы покемонов считают особой крутью сцапать анимешную тварюшку именно здесь.

Интересно, хоть один вспомнит, чем знаменит год 1854-й от Рождества Христова?

Я проводил взглядом охотников на карманных монстриков и пошел к метро, на ходу листая папку. Дрон

прав — даже одержимцы из «Космопоиска» не поверят, что Министерство обороны строит машину времени и намерено перекроить историю. И привлекает к этому незаменимого эксперта, знатока альтернативной истории и попаданческой фантастики.

То есть меня.

А я сам поверил бы? Только честно? И сейчас верю?

«...Ох, не похоже. А с другой стороны — куда денешься?»

Я раскрыл «заккурапию». Двуглавый коронованный орел на титульном листе. Казенный лиловый штамп на каждом из документов.

Что ж, добро пожаловать в Проект «К-18-54». Для посвященных, к числу которых отныне принадлежу и я — «Крым, 1854 год».

Тот самый Крым.

Тот самый год.

«...может, я все еще сплю?»

II

*1916 г., февраль,
окрестности Зонгулдака,
лейтенант Реймонд фон Эссен*

С теплых коек оторвавши
Заспанных господ,
В бардаках людей собравши,
Гонят их в поход.
В Зонгулдак идем, наверно,
В Зонгулдаке очень скверно...
Зонгулдак, Зонгулдак,
Нам бы лучше всем в кабак..

На Черноморском флоте на свой манер переделали балтийскую песенку. Турецкий порт Зонгулдак, может, и не был нервным центром морского театра, каким

стал Моонзунд в семнадцатом на Балтике, но на протяжении всей войны исправно приковывал к себе внимание. Требовалось препятствовать морским перевозкам для снабжения турецкой армии и флота, и прежде всего прервать подвоз угля морским путем к Босфору из Зонгулдака, центра турецкой угледобычи. Оттуда же снабжался Константинополь, а поскольку турецкие железные дороги пребывали в зачаточном состоянии, «черное золото» доставляли в столицу Османской империи морем.

Выполняя директиву ставки, Черноморский флот не раз обстреливал Зонгулдак. Боевые корабли перехватывали и топили транспорты и парусники, громили артогнем портовое оборудование. Но турки продолжали возить уголь: шахты, укрытые прибрежными возвышенностями от огня с моря, оказались недоступны калибрам русских линкоров, а что причалы порушены — так долго ли восстановить? Снаряды сносили краны и пандусы, но турки будто и не замечали — уголь в трюмы сыпали по старинке, из мешков. Бедолаг, готовых горбатиться за ячменную лепешку в день, хватало.

* * *

Первого февраля шестнадцатого года с эсминца, несшего службу по блокаде Зонгулдака, дали радио: «В порту замечен большой пароход под погрузкой». Командир дивизиона стгоряча вызвался прорваться в гавань и потопить угольщик ко всем чертям — нравом миноносники отличались буйным и мало ценили свои головы. Начальство же на риск не решилось, тем более что пароход оказался транспортом «Ирмингард», не раз удиравшим от русских кораблей.

Упускать хитрого турка не хотелось, и флотское командование дало старт давно задуманной опера-

ции. На этот раз по Зонгулдаку решили ударить с воздуха.

Через три дня, пятого февраля, «Поспешный» и «Громкий», форсируя обороты, понеслись к Зонгулдаку. Им предстояло отстучать кодом Морзе прогноз погоды для ожидающих в Севастополе кораблей.

Авиаматки «Алмаз», «Александр I» и «Николай I» вышли в сопровождении целой эскадры: крейсер «Кагул», миноносцы «Заветный» и «Завидный» (угольные старички доцусимской постройки) и новенький линкор «Императрица Мария». Но главный удар предстояло нанести не ее двенадцатидюймовкам. В двадцати милях от Зонгулдака авиатранспорты выпустят гидропланы — и посмотрим, как запоют османы, которые, как полагали российские пилоты, видели такую технику только на картинках!

Лихие мичманы и лейтенанты ошибались. Когда летающие лодки одна за другой пробили низкую облачность и вышли на цель, их встретил зенитный огонь. Турецкие батареи крыли шрапнелью на предельных углах возвышения; уклоняясь от ватных комков, испятнавших небо над гаванью, пилоты вынуждены были набирать высоту. В «Ирмингард» угодила только одна бомба из трех с половиной сотен, но хватило и ее — пароход загорелся и сел на грунт прямо у причальной стенки. Рядом весело пылала парусная шхуна, занялись пожары и на берегу. Лейтенант Реймонд фон Эссен, командир авиаотряда «Александра I», на обратном пути даже запел — до того весело стало на душе после лихого дела. Концерта, правда, не получилось — единственный слушатель, летнаб Кобылин, вряд ли разобрал что-то за тарахтением стосильного «Гном-Моносупа». Лейтенант слегка погрустил по этому поводу — петь он любил, хотя и был, по общему мнению, начисто лишен слуха, — и принялся сочинять рапорт:

* * *

«Доношу Вашему Высокоблагородію, что сего 24-го января получилъ Ваше приказаніе бомбардировать Зонгулдакъ, и если ѣсть тамъ за моломъ стоящій большой пароходъ, то и его. Въ 10 часовъ 27 минутъ я первымъ полетѣлъ на аппаратъ № 37 на Зонгулдакъ, имѣя наблюдателя-моториста I статьи Кобылина, взявъ съ собой на аппаратъ двѣ пудовыя и двѣ десятифунтовыя бомбы. Подлетая къ Зонгулдаку, я увидѣлъ въ гавани за моломъ, стоящій носомъ къ выходу, большой однотрубный двухмачтовый пароходъ, который сильно дымилъ. Сдѣлавъ надъ городомъ и гаванью на высотѣ 900—1100 метровъ три круга, мой наблюдатель сбросилъ всѣ четыре бомбы. Первая, пудовая, сброшенная по пароходу, разорвалась на молу, впереди носа. Вторая, десятифунтовая, упала за кормой парохода среди стоявшихъ лайбъ, и произвела на одной изъ нихъ пожаръ. Третья, пудовая, сброшена по желѣзнодорожному узлу, попавъ въ большое бѣлое зданіе. Четвертая упала на берегъ за кормой парохода. На горкѣ около Килимли замѣчены рядъ бѣлыхъ дымокъ, по-видимому, стрѣляющей батарееи...»

* * *

Летающая лодка с большими белыми цифрами «32» на носу пристроилась к аппарату Эссена. Сидящий слева в кабине наблюдатель прапорщик князь Лобанов-Ростовский, сорвал шлем и помахал командиру отряда. Эссен в ответ качнул плоскостями. Прапорщик улыбался во все тридцать два зуба; набегающий поток воздуха трепал русую шевелюру. Экипаж «тридцать второй» сегодня герои дня — это их бомба разворотила палубу парохода возле дымовой трубы.

За «тридцать второй» к фон Эссену пристроились и остальные. С трех авиаматов для удара по Зонгудлаку сгрузили на воду семнадцать летающих лодок «М-5». Три не долетели, сели на воду из-за поломок, и теперь экипажи куковали, покачиваясь на мелкой черноморской зыби, в ожидании миноносцев. Сейчас за командирским гидропланом неровным строем пеленга шли тринадцать аппаратов. Задание выполнено, и выполнено блестяще — домой!

III

2016 г.,
Москва, Лубянка,
здание ФСБ,
Сергей Велесов, писатель

Комната ничем не походила на Дронов кабинет. Там — привычная контора, мебель советских времен, крепкая, скучная, способная вызвать ностальгию у представителя моего поколения. Здесь же — просторный, низкий зальчик без окон, освещенный скрытыми в стенах светодиодными лампами; на прозрачных, из закаленного декоративного стекла, столешницах соки, «черноголовский» тархун, блокноты в коже с символикой МО и ФСБ. Одна стена целиком занята плазменной панелью.

Погоны носят двое — коренастый краснолицый генерал-лейтенант с авиационными петлицами и невыносимо элегантный капитан первого ранга. Оба демократично сняли кители и оставались в форменных рубашках. Обстановка радует неформальностью, словно я оказался в конференц-зале делового центра, а не в самом сердце главной спецслужбы страны.

Штатских двое — высокий, моих лет мужчина атлетического сложения и сухонький, профессорского

вида дедок. Над карманом пиджака скромно пристроилась бордовая колодка ордена «За заслуги перед Отечеством». «Профессор» поприветствовал меня дружелюбно, хотя и сухоовато. А ведь он, похоже, старший? Интересное кино... то есть тут заправляют не одни военные?

«Профессор» по очереди назвал присутствующих. Генерал-лейтенант Фомченко — куратор Проекта от Минобороны; кап-раз, Куроедов Константин Валентинович — начальник экспедиции. Верзила в штатском, носящий фамилию Сазонов, был представлен как куроедовский зам, кандидат исторических наук. Я его узнал, даже вспомнил доклад по политике Николая Первого перед Крымской войной. Что и говорить, серьезный специалист...

«Профессор» и правда оказался профессором — доктором физматнаук Груздевым, научным руководителем Проекта. Ага, прикинул я, если он «зам по науке», а Фомченко — куратор от ведомства Шойгу, то кто возглавляет лавочку? Может быть, САМ? Почему бы и нет, кстати, тема в самый раз для *личного* контроля...

Меня профессор не счел нужным представлять — видимо, все и так были в курсе.

— Мы пригласили вас несколько позже, чем предполагалось, — начал он. — Конечно, за столь короткий срок вы вряд ли смогли составить представление о нашем... мнэ-э-э.. Проекте...

— Это и ни к чему, — проворчал генерал. — Товарищу предоставлена информация в пределах его компетенции. С остальным он будет ознакомлен, так сказать, в процессе.

Мне стало слегка не по себе. Эти четверо играли в другой лиге, слишком крутой для не слишком известного фантаста, и решительно неясно, что я делаю в такой компании. Но ничего, мы еще подергаем вибриссами...